

К 120-летию А.П. Гайдара

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-23-39

УДК 821.161.1

Н.А. ДворяшинаСургутский государственный педагогический университет,
628417 г. Сургут, Российская Федерация**Музыка и песня
в повести А.П. Гайдара
«Судьба барабанщика»:
образы и смыслы**

Аннотация. В статье продолжено исследование роли музыки, песенных образов в творчестве А.П. Гайдара, начатое в нашей предыдущей журнальной публикации. Цель ее – показать своеобразие и роль музыкально-песенных образов и мотивов в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика». Методологически статья базируется на комплексном подходе, предусматривающем использование историко-культурного, историко-литературного, культурологического и биографического методов. Анализ произведения, основанный на выявлении всех главных эпизодов, сцен, в которых писатель обращается к музыкальным образам, в которые вводятся слова, мелодии песен, даются отсылки к ним, позволил осознать их значение для раскрытия смысловых граней художественного произведения. А.П. Гайдар последователен в проведении песенно-музыкальной линии повести. Ее образы, мотивы напрямую связаны с движением сюжета, с существенными изменениями в жизни героя. Они способствуют раскрытию его психологических переживаний, морального и физического состояния, влияют на принятие им жизненно важных решений, выступают мерилем жизненных ценностей, сигналом к действию и др. Образы барабана и барабанщика, песенные мелодии сменяют друг друга в повести в зависимости от сложности происходящих с героем испытаний и необходимости выбора, аккумулируя в себе разнообразные смыслы. Писатель убедительно показал, как хорошая песня и ее исполнение обогащают душу ребенка, эмоционально развивают ее, помогают в жизненных невзгодах, оказывают психологическую поддержку, формируют человеческую личность, ее ценности, объединяют поколения, не дают порваться связи времен. Музыкальные реалии придают «Судьбе барабанщика» особое звучание, создают самобытный стиль художника, для которого органичен синтез эпического и лирического планов, вызывающий сердечный отклик у читателя.

© Дворяшина Н.А., 2024

Ключевые слова: А.П. Гайдар, «Судьба барабанщика», музыкально-песенные образы в литературе, характер и роль музыкальных компонентов повести, самобытность стиля писателя

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Дворяшина Н.А. Музыка и песня в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика»: образы и смыслы // Литература в школе. 2024. № 3. С. 23–39. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-23-39

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-23-39

N.A. Dvoryashina

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, 628417, Russian Federation

Music and song in A.P. Gaidar's story “The Fate of the Drummer”: Images and narratives

Abstract. The article continues the study of the role of music, song images in the work of A.P. Gaidar, which we began in our previous journal publication. Its purpose is to show the originality and role of musical and song images and motifs in the story “The Fate of the Drummer” by A.P. Gaidar. Methodologically, the article is based on a comprehensive approach which comprises the historical-cultural, historical-literary, cultural, and biographical methods. The work analysis, based on the identification of all the main episodes and scenes in which the writer addresses musical images into which words and melodies of songs are introduced and references to which are given, made it possible to realize their meaning for revealing the semantic facets of the literary work. A.P. Gaidar is consistent in conducting the song and music line of the story. Its images, motifs are directly related to the movement of the plot, with significant changes in the life of the hero. They contribute to the disclosure of his psychological experiences, moral and physical condition, affect his adoption of vital decisions, act as a measure of life values, a signal to action, etc. The images of the drum and drummer, song melodies replace each other in the story, depending on the complexity of the tests that the hero is put to and the need for choice, accumulating a variety of meanings in themselves. The writer convincingly showed how a good song and its performance enrich the child's soul, develop it emotionally, help in life's hardships, provide psychological support, shape the human personality and their values, unite generations, and prevent the connections of times from breaking. Musical realia give “The Fate of the Drummer” a special sound, create a distinctive style of the artist, for whom the synthesis of epic and lyrical plans is organic, causing a cordial response from the reader.

Key words: A.P. Gaidar, “The Fate of the Drummer”, musical and song images in literature, character and role of musical components of the story, the uniqueness of the writer’s style

CITATION: Dvoryashina N.A. Music and song in A.P. Gaidar’s story “The Fate of the Drummer”: Images and narratives. *Literature at School*. 2024. No. 3. Pp. 23–39. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-23-39

Главное содержание повести «Судьба барабанщика» Аркадий Гайдар определил короткой, но емкой фразой: «Эта книга не о войне, но о делах суровых и опасных – не меньше, чем сама война» [2, т. 2, с. 8]. Действительно, это так: среди суровых и опасных дел – арест отца героя, обман и мошенничество мнимых друзей, преступления врагов и шпионов, стрельба, убийство, ранение. В названии произведения акцент сделан не просто на жизнь мальчика – персонажа повести как такового, а на его общественную, социальную роль: он барабанщик – музыкант, играющий на барабане. Свое особое предназначение этот ударный инструмент получил в военном оркестре, в репертуаре которого ведущую роль занимает марш. Именно барабан придает его звучанию необходимый рисунок, формирует ритм движения, поднимает боевой дух воинов. Но барабан всегда служил и как инструмент звуковой оперативной связи, был средством управления войсками: подавал сигналы для выступления в поход, готовности к бою, тревоги. *«И не будь воинской трубы, не будь воинской песни и зовущего в бой барабана, – писал поэт, – было бы скучно идти нам на врага, было бы много труднее принять на себя страду и крестную жертву сражения, когда нас зовет Война»*¹

¹ Бальмонт К.Д. Автобиографическая проза. М., 2001. С. 437.

(здесь и далее выделено нами, кроме специально оговоренных случаев. – Н.Д.).

Со временем барабан стал одним из знаковых атрибутов пионерской организации. Вместе с горном он сопровождал вынос знамени, торжественные линейки, сборы, походы. Интересный факт: вышедший в апреле 1923 г. в Москве первый номер первого пионерского журнала назывался «Барабан». Быть барабанщиком и горнистом считалось очень почетным поручением, его надо было заслужить и хорошей учебной, и достойным поведением, и активным участием в жизни пионерской организации. Но в гайдаровскую эпоху, в годы, когда создавалось произведение (1938 г.), в личной жизни самого писателя значение такой должности имело особенно высокий статус и смысловое наполнение. Автор повести и себя причислял к этому рангу музыкантов. Не случайно на книге «Судьба барабанщика», подаренной С.Д. Разумовской в 1939 г., он сделал такую надпись: «Милому другу Соне от барабанщика Гайдара» [Там же, т. 4, с. 408]. Дорогим для него званием наделил он в рассказе «Голубая чашка» и маленькую Светлану, потому что в ней есть тот боевой дух, тот задор, который всегда был дорог писателю и его героям. Вот потому-то девочка с «воодушевлением распевала такую только что сочиненную песню»:

Тру-ру-ру! Тра-та-та!
Это барабанщики,
Это летчики,
Это барабанщики летят на самолетах.
И я, барабанщица... здесь стою.

[2, т. 2, с. 122]

«Ко мне, барабанщица!», – вдохновленный и обрадованный ее «хорошей песней» зовет дочь отец [Там же]. О том, что пионеры «идут всегда вместе и в барабан бьют и в трубы трубят», знает Федька Галкин в повести «Дальние страны» [Там же, т. 1, с. 320]. И собравшийся в дорогу вслед за отцом герой рассказа «Поход» тоже приготовил барабан для своего пути. Под барабанную дробь и сигналы горнистов собираются на праздник к большому костру пионеры в повести «Военная тайна» [Там же, т. 2, с. 65]. А ребячий отряд Натки Шегаловой на этот торжественный сбор идет «...с дружной песней о юном барабанщике, слава о котором не умрет никогда» [Там же, с. 67]. А. Гайдар упоминает здесь очень популярную в пионерской среде песню «Юный барабанщик» на стихи Михаила Светлова.

Поэт сделал вольный перевод «Песни о маленьком трубаче» немецкого композитора В. Вальерта, посвященную юному горнисту Фрицу Вайнеку, погибшему в Германии в 1925 г. в стычке с полицией. При этом Светлов заменил образ трубача на барабанщика и перенес действие в эпоху Гражданской войны в России.

В нашей стране песня появилась еще в 1929 г. и стала любимой у советских детей на многие годы. Герой же ее вошел в сердца мальчишек и девчонок как пример мужества, бесстрашия и подвига: «Промчались годы боевые, / Окончен наш славный

поход. / Погиб наш юный барабанщик, / Но песня о нем не умрет»².

О том, насколько вдохновляющей оказалась песенная история юного барабанщика в жизни советской детворы, свидетельствуют новые стихи, рассказы, песни о нем, рожденные в последующие годы. Они зазвучат в репертуаре хоровых коллективов, сольных исполнителей. Нельзя не вспомнить «Веселого барабанщика» на стихи Б. Окуджавы (1957): «Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше, / Только утро замаячит у ворот, / Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик / В руки палочки кленовые берет»³. Продолжит эту тему поэт Е. Долматовский стихотворением «Старый барабанщик» (1962), ставшим песней, которую тоже запела страна: «Дальние дороги, близкие тревоги, / Заклубились тучи впереди. / Ты уже не мальчик, храбрый барабанщик, / Сверстников на подвиг выводи!..»⁴.

Для А. Гайдара образы юного барабанщика, барабана, его голоса, сама его музыкальная предметность станут знаковыми, они отзовутся и в замысле его повести «Судьба барабанщика», и в самой ее структуре, будут напрямую связанными с движением сюжета, существенными изменениями в жизни героя, его переживаниями и чувствами, повлияют на принятие им жизненно важных решений.

Долгожданное событие в судьбе Сережи Щербачова вдруг оказалось перечеркнутым семейной бедой: «Это случилось как раз в тот день, когда возвращался я из школы очень веселый,

² Юнак В. История пионерских песен 1920–1930-х годов. URL: <https://proza.ru/artikle/2017/02/13/2173?ysclid=ls0lpbscks855081799> (дата обращения: 12.12.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

потому что наконец-то поставили меня старшим барабанщиком нашего четвертого отряда. И, вбегая к себе во двор, где шумели под теплым солнцем соседские ребятишки, громко отбивал я линейкой по ранцу торжественный марш-поход, когда всей оравой кинулись они мне навстречу, наперебой выкрикивая, что у нас дома был обыск и отца моего забрала милиция и увезла в тюрьму» [2, т. 2, с. 229]. Радость героя сменилась горем. «Я долго плакал», – признается мальчик [Там же]. Не марш-поход будет теперь ждать впереди 12-летнего барабанщика, а долгая, тяжелая, опасная дорога со множеством ошибок, обманов, испытаний, утратой веры в людей и новым ее обретением. Но опорой для него на этом пути станут и само осознание миссии барабанщика, его верности высоким идеалам чести, совести, мужества, преданности долгу, и полученные ранее отцовские уроки, в которых важную роль также будет играть песенное, музыкальное начало.

Боль от случившегося, обида на отца будут соседствовать с его постоянным мысленным возвращением к тому хорошему, чистому, что было в его прежней жизни, до ареста родного человека. На сопоставлении этих двух планов – прошлого и настоящего – и будет идти повествование в произведении. Многое станет оживать в памяти мальчика, напоминать о себе: славный боевой путь отца, его рассказы о боях-сражениях, в которых «народу много полегло» [Там же], его идеалы, воспринятые Сережей как высокий жизненный ориентир. Больше всего они входили в душу мальчика во время их совместных походов, неизменным спутником которых была *песня*. Вот

и сейчас, оглушенный случившимся, он, мысленно обращаясь к отцу, говорил ему: «Помнишь, как в глухом лесу звонко и печально куковала кукушка и ты научил меня находить в небе голубую Полярную звезду? А потом мы шагали на огонек в поле и дружно распевали твои простые солдатские песни» [Там же, с. 229]. Герою дороги эти мгновения в общении с отцом, и, вспоминая о них, он не может, не хочет принять случившееся, отказываясь идти по той дорожке, на которую ступил отец, а потому-то и прощается с ним, прощается с великой горечью в душе: «Прощай! – засыпал я. – Бьют барабаны марш-поход. Каждому отряду своя дорога, свой позор и своя слава. <...> Так в полудреме прощался я с отцом горько и крепко, потому что все же я его очень любил, потому что – зачем врать? – был он мне старшим другом, частенько выручал из беды и пел хорошие песни, от которых земля казалась до грусти широкой, а на этой земле мы были людьми самыми дружными и счастливыми» [Там же, с. 229–230]. А. Гайдар аккумулирует в дорогих для мальчика образах – барабана и песни – многие смыслы. Здесь, конечно, есть и память о том счастье, которое все же у него было, и ощущение утраты отца, предавшего, как ему кажется, свои идеалы, и нежелание его простить, и решение о выборе своего собственного пути, который ему подсказывает голос совести юного барабанщика.

Разные сигналы будет подавать Сергею любимый музыкальный инструмент. Будут они и спасительными в опасные минуты жизни, как это случилось, к примеру, с ним однажды ночью: «Снились мне телеграфные столбы, галки, вороны. Все

это шумело, галдело, кричало. Наконец ударил барабан, и вся эта прорва с воем и свистом взметнулась к небу и улетела» [2, т. 2, с. 230]. Барабанные звуки во сне разгоняют нечисть вокруг героя. Не эта ли память о барабане и его зове к настоящим ценностям, впитанным с малых лет и ставших дорогими, потом осуществит приснившееся в реальности: избавит от морока, в который он попал по своей доверчивости? Именно так и произойдет в его жизни, несмотря на ее крутые повороты, в чем он вскоре и сам признается.

Оказавшийся в одиночестве, без попечения и заботы взрослых, столкнувшийся с их равнодушием, наивный, не отличающий обмана от истинной сути тех, кто казался друзьями, запутавшись в происходящих с ним событиях, Сережа ищет тот спасательный круг, который помог бы ему преодолеть тоску и отчаяние. И опять им окажется воспоминание об отце и его песенных уроках:

«Помню, как посадит он меня, бывало, на весла, и плывем мы с ним вечером по реке.

– Папа! – попросил как-то я. – *Спой еще какую-нибудь солдатскую песню.*

– Хорошо, – сказал он. – Положи весла.

Он зачерпнул пригоршней воды, выпил, вытер руки о колени и запел:

Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

– Папа! – сказал я, когда последний отзвук его голоса тихо замер над прекрасной рекой Истрой. – Это хорошая песня, но ведь это же не солдатская.

Он нахмурился:

– Как не солдатская? Ну, вот: это горы. Сумерки. Идет отряд. Он устал. Идти трудно. За плечами выкладка шестьдесят фунтов... винтовка, патроны. А на перевале белые. «Погодите, – говорит командир, еще немного, дойдем, собьем... тогда и отдохнем... Кто до утра, а кто и навеки...». Как не солдатская? Очень даже солдатская!» [Там же, с. 233–234].

Отец поет известный романс на стихи М.Ю. Лермонтова «Из Гете» – вольное переложение «Ночной песни странника» немецкого поэта. Самые популярные музыкальные воплощения его – создания двух композиторов – Александра Варламова и Антона Рубинштейна. Светлую печаль, состояние умиротворенности, покоя несет в себе это музыкальное произведение. «Романс и Песня, – писал Г.В. Свиридов, – <...> наиболее любимые виды музыки. Они проникают в самое сердце человека и живут в нем не только как воспоминания, ощущения; они живут в сердце *сами*, живые, можно вспомнить мелодию, запеть ее самому и т.д.»⁵ (курсив автора. – *Н.Д.*). Так произошло и с Сергеем Щербачовым: песня отца, ставшая и ему своей, родной, накрепко вошла в его сердце и вспомнилась в тот момент, когда он тоже устал, когда ему тоже пришлось трудно, а потому и сама она, и слова дорогого человека зазвучали для него как утешение.

«Музыка, – считал К.Д. Бальмонт, – возвращает усталому сердцу жизнь»⁶. Герою Гайдара в данный момент она говорила о необходимости проявить воинское терпение,

⁵ Свиридов Г.В. Музыка как судьба. М., 2002. С. 186.

⁶ Бальмонт К.Д. Автобиографическая проза. М., 2001. С. 438.

подождать, и тогда он тоже преодолет свой тернистый путь, и к нему придут минуты отдыха. Прав С.Я. Маршак, отметивший такую особенность книги А. Гайдара: «Он был поэтом, сказочником и романтиком с головы до ног и в своем читателе – советском ребенке – больше всего любил смелое и живое поэтическое воображение. Ему было по пути с этим другом-читателем, подвижным и деятельным, неистощимым в затеях и всегда готовым к выполнению долга, а если понадобится, то и к подвигу»⁷. Вот и взрослый герой «Судьбы барабанщика», и ее герой-подросток Сережа Щербачов одарены такими качествами. Проявились в отмеченном эпизоде и автобиографические черты личности писателя, особенности его отношений с сыном Тимуром. Гайдар очень любил «Горные вершины», сам пел эту песню, в его памяти живы были многие трудности военной службы, которые она помогала ему преодолевать.

Особенность стиля Гайдара – органичный сплав эпического и лирического планов. В самых непростых жизненных ситуациях, историях, когда решается судьба человека, у него обязательно возникает пронзительная лирическая нота, вызывающая сердечный отклик у читателя, который оказывает на него жизнестроительное, жизнеукрепляющее воздействие. Точное наблюдение по этому поводу сделано И.Г. Минераловой: «Гайдар вообще <...> чуток к тому, что питает детское сердце, дает ему такую пищу, которая прежде всего возрастит дух ребенка: пробудит и сострадание, и чувство справедливости, и непод-

купную совесть, и любовь к Родине, и ничем не заменимое радостное чувство братства, родства, уз» [5, с. 135].

Герой хотя и прощается мысленно с отцом, но память сердца вновь и вновь возвращает его к тем светлым дням, когда они были вместе, и к тому хорошему, что он любил в отце. А среди прочего в этом хорошем вспоминалась отцовская любовь к героическому: и к прошлому, и к настоящему: «...и даже зимой распахивал окно, когда мимо нашего дома с песнями проходила Красная Армия» [2, т. 2, с. 234]. Были песни для отца неизменными спутниками воина, бойца, он и сыну внушил это, увлек его своей любовью к ним, а потому-то возникали они в памяти мальчика, когда было трудно: он пытался с их помощью преодолеть свои беды.

Следующий эпизод включения музыкального образа в повесть – это время полного одиночества подростка. Как ни сопротивлялся Сережа обрушившимся на него обстоятельствам, а жизнь с новыми приятелями – «огонь-ребятами» – затягивала. Он чувствовал дурное вокруг себя, осознавал окружающее его со всех сторон вранье и сам ему поддавался, однако, по его словам, «не доискивался» до смысла происходящего, а ведь мог бы. Но соблазн легкой и беспечной жизни увлекал, хотя и ложился тяжелым грузом на сердце. Сил сопротивляться герою не хватало, как он ни крепился. Цепочка все новых поступков, усугубляющих его положение и ведущих к плохому, разрасталась, ввергала в ложь, порождала страх. Были в его поведении попытки жить по-другому. И здесь он опять искал поддержку в том, что когда-то

⁷ Маршак С.Я. Воспитание словом. СПб., 2022. С. 318.

помогало: «Я ходил по пустым комнатам и пел песни» [2, т. 2, с. 239]. Пел, скорее всего, те песни, которые слышал от отца, исполнял вместе с ним. Однако это отвлекало лишь на время, но уже не спасало.

А. Гайдар чередует в повести музыкальный образ барабана и его носителя с песенными мелодиями. Они сменяют друг друга в зависимости от сложности происходящих с героем испытаний. Тема звучания барабана, его сигналов в большей мере проявляется тогда, когда герой не видит выхода из жизненного тупика. Вот здесь-то особую решимость ему и придает дорогой образ-символ: он напоминает о забытом долге, пробуждает необходимость его осознания. В подростке в очередной раз даст о себе знать то здоровое начало, которое было заложено в нем верой в свое высокое звание барабанщика. А призывный сигнал барабана, пусть не сразу, но все увереннее, настойчивее будет определять его дальнейшие поступки.

Сергей скажет об этом этапе своей судьбы: «...записался в библиотеку и взял две книги. Одна из них была о мальчике-барабанщике» [Там же, с. 247]. Все в истории героя этой книги оказалось созвучным с его собственной судьбой: он ведь тоже, по сути, очутился, как и книжный мальчик-барабанщик, под подозрением, если не в измене, то в какой-то нечестности, потому что отец его был арестован как вор. Сережа переносит на себя невзгоды маленького французского музыканта. «Ярость и негодование» из-за клеветы на него охватили гайдаровского героя при чтении книги, но в них проявились боль, обида и за свою жизнь, а также желание доказать другим свою невиновность тоже.

Эта параллель с барабанщиком революционной французской армии прямо отразилась в его горьких мыслях. Они обнажили его истинные чувства и переживания: «Это я... то есть это он, смелый, хороший мальчик, который крепко любил свою родину (как важно это Гайдару: всегда утверждать ценность этого чувства. – Н.Д.), опозоренный, одинокий, всеми покинутый, с опасностью для жизни подавал тревожные сигналы» [Там же, с. 248]. Но тут же осознание неприглядности собственных поступков убеждает Сережу в том, что он предал дорогие для него идеалы. Герой слышит такой упрек в свой адрес, но в действительности это говорит голос его собственной совести, и звучащие слова – это его суд над самим собой: «Ты врешь, ты не солдат-барабанщик. Барабанщики не лазят по чужим ящикам и не продают старьевщикам Валентиновых горжеток. Барабанщики бьют в круглый барабан, сначала – трим-тара-рам! потом – трум-тара-рам! Барабанщики – смелые и добрые» [Там же]. Голос барабана и звание барабанщика, связанные с пионерской, более того, воинской честью и честностью, с героикой борьбы, не дают покоя мальчику. Эти ценности, ставшие основой его природы, его личности, будут постоянно выступать мерилем в его дальнейших действиях и поступках, направляя его к жизни чистой и честной.

Чужие люди, проникшие в жизнь мальчика, играют на дорогих для него идеалах: любви к Красной Армии, ее героическим сражениям и мужеству воинов. Но даже малое участие в жизни мальчика со стороны этих обманщиков покажется ему благом, а потому и радуется он возможности

ухехать вместе с ними. Однако еще и еще напоминает о себе его счастливое, но одновременно и тревожное прошлое юного барабанщика. С барабаном, этим верным, «веселым другом» пионеров и боевым другом воинов соотносит он свое настоящее: «Давно ли все было не так! <...> Шумела школа, гудела улица, и гремел барабан. Четвертый отряд выбежал на площадку строиться. И непременно кто-то там кричит и дразнит: “Сергей-барабанщик, / Солдатский обманщик, / Что ты бьешь в барабан? / Еще спит капитан”. “Но! Но! – говорю я. – Не подходи ближе, а то пробью по спине зорю палками”» [2, т. 2, с. 267].

Что значит эта дразнилка в его прежней судьбе, в сравнении с новыми жизненными обстоятельствами? – Детские шалости. Однако и на них он готов отреагировать, а потому и отвечает так решительно. А что стоит за этим предупреждением: «пробью по спине зорю палками»? В Словаре В.И. Даля есть два пояснения выражения «бить зóрю»: первое – «бить дробь, на барабане»⁸; второе – это воинский сигнал, оповещение, призывающее военных к определенным обязанностям, действиям⁹. В повести Гайдара прочитываются и первое, и второе значения. Предупреждение барабанщика, с одной стороны, элементарно просто: школьный обидчик получит соответствующее наказание, но с другой – в нем есть и скрытая, подсознательная угроза его нынешним уже не обидчикам, а врагам. И он вскоре осуществит ее. А кроме того, это *некий сигнал и себе само-*

му: очнуться, наконец, от охватившего его наваждения, этого подчинения темным людям, которым он почему-то доверился.

Все больше герой Гайдара будет погружаться в оценку собственных поступков, действий, все больше он будет судить себя сам, судить резко, не допуская никаких компромиссов с моральными законами. И происходить это будет потому, что в нем все увереннее и настойчивее станет звучать голос того барабанщика, каким он был до всех драматических событий его жизни. Он не заглох, и герой не изменил себе, своей сути, а потому и не хочет никаких оправданий в свой адрес. Он словно слышит оценку со стороны тех, кто ищет его, и здесь опять важно упоминание не просто пропавшего мальчика и его имени, а того статуса, который более всего ему дорог: «Этот лживый барабанщик <...>, вероятно, будет плакать и оправдываться, что все вышло как-то нечаянно. Но вы ему не верьте...» [Там же, с. 282]. Эти слова воспринимаются как собственные мысли подростка, отражающие его эмоциональное состояние: так он сам себя оценивает в этих обстоятельствах, а потому и приходит к заключению: «Да! Все именно так, и оправдываться было нечем» [Там же].

В сердце героя словно пробуждается то чувство, которое М.И. Цветаева сопоставила со звучанием барабанного ритма: «Гне – ва / Гром»¹⁰. В Сереже Щербачове нарастает гнев, усиливаются желание и стремление избавиться от слабоволия, боязни наказания, ложных шагов: «И я решил бороться за свое счастье. <...> ...твердо решил

⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. Бодуэна де Куртене. М., 2000. Т. 1. С. 218.

⁹ Там же. С. 1567.

¹⁰ *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1994–1995. Т. 1. С. 356.

я жизнь начинать заново и быть теперь человеком прямым, смелым и честным» [2, т. 2, с. 282–283]. В герое говорит и тот жизненный настрой, который в другом стихотворении, но с тем же названием – «Барабан» – также запечатлела М.И. Цветаева. При всей многозначности метафорических образов барабана, барабанщика в нем, важным является суждение поэта о предназначении человека вообще: «Быть барабанщиком! Всех впереди! / Все остальное – обман! / Что покоряет сердца на пути, / Как барабан?»¹¹. Для нее быть барабанщиком – это еще и не замыкаться в своем мирке, не довольствоваться малым, не мириться со скукой и привычкой обыденного, а выбирать путь смелого движения вперед, с его устремленностью к подлинному. У человека не должен затихать внутренний зов к жизни прямой, правдивой, решительной. Очевидно, принципы Гайдара и его героев согласуются с таким пониманием жизненного предназначения.

Писатель целенаправленно выдерживает тему, связанную с образом барабана и званием самого музыканта. Под влиянием этих музыкальных реалий будет выстраиваться и убыстряться путь героя к прозрению. Переломным этапом в принятии судьбоносных решений станет для него знакомство с мальчиком Славкой, сыном инженера Грачковского. Твердый и волевой характер нового товарища, его неколебимая вера в идеалы, за которые сражались отряды красных бойцов, в том числе и его отец, придают гайдаровскому барабанщику решимости и уверенности в его

дальнейших поступках. Справедливо заключение В.В. Смирновой: «Сергей видит в Славе самого себя – каким мог бы быть, если бы не пошел с бандитами и мошенниками, – и естественно, тянется к нему, ища внутренней опоры в нем» [7, с. 169].

Символическим знаком, сигналом, адресованным к его званию барабанщика, станет подаренная ему открытка, «изображавшая совсем молоденького паренька в такой же», как у Сергея, пилотке, с кобурой у пояса и трубой в руке. Это был, как гласила надпись, «Сигналист» – сигнальщик, трубач – музыкант, играющий на трубе. В этом трубаче увидел Славка прямое сходство с Сережей-барабанщиком, тоже «сигналистом» по своей должности. Открытка стала своеобразной вестью, напоминанием мальчику о том, кто он есть на самом деле, о его предназначении, отослала к лучшему и главному в нем самом. Недаром так трепетно отнесся он к подарку приятеля: «Бережно завернул его и положил к себе в бумажник» [2, т. 2, с. 288]. Последовательно ведет Гайдар песенно-музыкальную линию повести, все более и более меняющую психологическое, моральное и физическое состояние героя.

Осознание того, что он сам изменил себе, выливается у Сергея Щербачова в яростный по своему эмоциональному накалу монолог: «Будь ты проклята, – бормотал я, – такая жизнь, когда человек должен всего бояться, как кролик, как заяц, как серая трусливая мышь! Я не хочу так!» [Там же, с. 295]. Подросток не снимает с себя ответственности за случившееся. И это – урок и читателям повести: как важно уметь спросить с себя, а не искать виноватых где-то. Недаром Сергей констатирует: «я сам себя

¹¹ Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1994–1995. Т. 1. С. 146.

обидел» [2, т. 2, с. 296]. В нем крепнет решимость вернуть свое честное имя, освободиться от влияния хитрых и лживых людей.

Существенной особенностью повествования в повести А. Гайдара является продуманное введение писателем определенного музыкального образа. И он сам, и его тема соответствуют каждому изменению в душевном состоянии подростка и поддерживают его в этот момент. Желание оказаться подальше от тех, кто использовал его в своих преступных целях, мечта о морской службе, за которую ему будет не стыдно перед отцом, подкрепляются у него словами и мелодией известного русского романса композитора А.Л. Гурилева «Раскинулось море широко...». Он звучит в душе мальчишки: «...И волны бушуют вдали... / Товарищ, мы едем далеко, / Далек от здешней земли» [Там же, с. 294]. Этот романс обрел свою всенародную популярность после его исполнения Леонидом Утесовым. А он узнал и пел его еще с дней своего одесского детства. Особенно любим был романс на флоте. И, конечно, в пении Сергея отразились, в той или иной мере, все эти обстоятельства, ведь мичманская школа, куда он собрался, была не где-нибудь, а именно в Одессе.

Понимание, что его бездействие приносит вред не только ему, но и другим, ни в чем не повинным людям, обретенная душевная крепость (нарекание «крепко» – любимое у Гайдара и его героев, – все чаще оно будет звучать в мыслях мальчика, в оценке им своего поведения: «...я верил сейчас крепко»; «И в этот день я был крепок» [Там же, с. 294, 296]) извлекают из его памяти другой музыкальный напев и саму песню, которая поддер-

жит силы, придаст действиям боевой настрой. В сложный и опасный период своей жизни, уже осознавая, что столкновение с врагами неизбежно, он, подбадривая себя, решительно идет им навстречу, громко напевая: «По военной дороге шел в борьбе и тревоге...» [Там же, с. 298].

Осмысливая гайдаровские произведения, нельзя обойтись без обращения к внетекстовым источникам. Многие в них поясняют, проясняют и суждения самого художника, и свидетельства его современников, родных людей. Вот и эта упомянутая в повести песня появилась, конечно, не случайно. Она была любимой у самого писателя. В памяти Тимура Гайдара (как важна у Гайдара эта линия: отец и сын!) запечатлелся эпизод, когда однажды ночью отец позвал его погулять, а потом они сидели на пристани, и отец спел сыну именно эту, только что услышанную им «хорошую песню» – «Конармейскую»: «По военной дороге / Шел в борьбе и тревоге / Боевой восемнадцатый год». На вопрос сына, которому песня понравилась, зачем надо было идти так далеко от дома, Гайдар ответил: «Чудак человек. Разные на свете песни. Есть тихие, их можно петь даже шепотом... Эта песня – для простора. Ей нужен полный голос» [1, с. 218–219].

Песня «Конармейская», о которой идет речь в «Судьбе барабанщика», в мемуарах Тимура Гайдара, которую «дружно, весело и грозно» поют ребята и раненые в киноповести «Комендант снежной крепости» [2, т. 2, с. 442], была написана в 1935 г. братьями Покрассами – Дмитрием и Даниилом – на стихи поэта Алексея Суркова. М.Л. Гольденштейн верно заметила: «Песня для него (Гайдара. – Н.Д.)

была душевной беседой с людьми, она должна была волновать и согревать людей, помогать им дружить и бороться, говорить о больших чувствах» [3, с. 9]. В «Судьбе барабанщика» песня в устах Сергея точно передает его состояние, его чувства: он тоже на военной дороге, в борьбе и тревоге, с боевым настроением: потом-то и поет громко, не таясь, уверенно распахивая калитку в сад, где сидят его противники. И она готовит его к борьбе с врагами, к прямому столкновению с ними, а ее строки «были сборы не долги» – своеобразный призыв к быстрым и смелым действиям, что с ним вскоре и произойдет. Очевидно, что здесь музыка, как это нередко бывает, «заставляет душу работать активнее» [6, с. 27].

Музыкальная ткань «Судьбы барабанщика» вобрала в себя и явления музыкальной культуры 1920–1930-х гг., и сочинения русской музыкальной классики. Следующее включение автором песенной темы приходится в повести на очередной виток изменения душевных переживаний героя. Она акцентирует новый момент в его эмоциональном самоощущении. В какое-то мгновение отчаяние и даже безразличие охватывают Сергея, но помощь вновь приходит к нему через воспоминание об отцовском пении: «Он поет:

Между небом и землей
Жаворонок вьется...

“Папа, – говорю ему я, – это замечательная песня. Но это же, право, не солдатская!” – “Как не солдатская? – и он хмурится. – Ну, вот весна, пахнет разогретой землей. Наконец-то сверху не сыплет снег, не каплет дождь, а греет через шинель теплое солнышко. Вот залегла цепь... Боя еще

нет. А сверху: тиль-тиль, тирлюли, тирлюли!.. Спокойно кругом, тихо... И вот тебе кажется: я лежу с винтовкой... А ведь кто-нибудь вспомнит и про меня и вздохнет украдкой. Как же не солдатская?» [2, т. 2, с. 304].

Отец поет романс М.И. Глинки на стихи Н.В. Кукольника из вокального цикла «Прощание с Петербургом» (1840). Известный музыковед Б.В. Асафьев в своей работе о композиторе очень точно подметил, что его романсы знал не только «узкий круг ценителей или любителей художественно-изысканного: вся родина Глинки, и не только русский народ, хранят в памяти его лирику! <...> Здесь просто надо сказать: мелодии Глинки вошли в народное сознание, они живут»¹². «Жаворонок» наполняет душу слушателя своим особым интонационно-музыкальным звучанием, тоном, каким, по словам Асафьева, «является *си* – доминанта ми минора, выразительное вибрирование которого прекрасно соответствует впечатлению от звенящего над полем, высоко в небе, длительно-длительно, “неисходную струей”, будто и без цезур, голоса этой птицы», ее «любящейся песни»¹³. Обладавший чутким слухом, Гайдар в полной мере оценил жизненную красоту романса, его образно-звуковой замысел и полюбил его, одарив этой любовью и своего героя в «Судьбе барабанщика». Для военного человека – отца Сережи Щербачова – дорогой в романсе оказалась еще и сама его идея: как важно человеку, а солдату особенно, чтобы, пока он воюет, кто-то помнил о нем, жалел, сочувствовал, был душевно с ним. Главный музы-

¹² Асафьев Б.В. М.И. Глинка. Л., 1978. С. 248.

¹³ Там же. С. 251.

кально-поэтический образ романса – «песнь надежды», «робкой надежды»: «Лейся песенка моя, / Песнь надежды сладкой: / Кто-то вспомнит обо мне / И вздохнет украдкой»¹⁴.

Содержание, смысловая наполненность этой отцовской песни, которую Сергей вспомнил в решающий момент своей жизни, помогли и ему обрести робкую надежду на то, что не все потеряно, что и о нем есть кому помнить и что отчаиваться не надо. В гайдаровском герое еще борются страх, готовность уступить собственной слабости, желание просто освободиться от этих страшных людей: «Пусть уйдут... Мне их не надо...» [2, т. 2, с. 307]. Но сильнее всех этих колебаний оказывается и чувство причастности к героической истории своей страны, ее Красной Армии, к судьбам и деяниям ее настоящих людей, и, конечно, к военной судьбе своего отца, к его урокам, среди которых герой сам отметит песенные. Понимание того, как по-другому могла бы сложиться его судьба, в какие разрушительные для нее связи он мог бы быть ввергнут, если бы их не было, отражено в таком признании подростка: «И увела бы, вероятно, кто знает куда, <...> если бы отец <...> не пел мне хорошие солдатские песни, те, что до сих пор жгут мне сердце» [Там же, с. 231].

А. Гайдар хорошо понимал, что без таких связей растущего человека с родными людьми, без их нравственных, эмоциональных уроков, мощно воздействующих на душу и сердце, у него нет жизненной опоры. Об этом он вел разговор с читателем. Так он воспитывал и своего сына, и эти уроки Тимур хорошо

усвоил. «Если в семье нити памяти оборвались, – справедливо заключил он в своих мемуарах, – то обеднен и не очень понятен сегодняшний день» [1, с. 170]. А песня связывает людей, соединяет их, создает узы, семейные в том числе. Верно заметил герой А.П. Платонова: «Рабочий человек <...> должен глубоко понимать, что ведер и паровозов можно сделать сколько угодно, а песню и волнение сделать нарочно нельзя. Песня дороже вещей, она человека к человеку приближает. А это трудней и нужнее всего»¹⁵. В судьбе героя Гайдара так и произошло.

Преодолеть все сомнения помогла Сергею Щербачову всегда жившая в нем вера в высокие идеалы чести и достоинства защитника Родины: недаром же так взволновала его книжка о французском музыканте, да и сам он все время, как мы заметили, хранил в себе осознание и своей судьбы барабанщика. Ему было оказано такое доверие: быть право-фланговым, идти впереди и вести за собой отряд. А потому в опасную для жизни минуту в нем побеждают чувство долга, готовность встать на защиту того, что дорого: «Как уйдут? – строго спросил меня кто-то изнутри. – А разве можно, чтобы бандиты и шпионы на твоих глазах уходили, куда им угодно?» [2, т. 2, с. 308]. Голос совести, голос сигналиста-барабанщика и его верного друга крепнет в нем и торжествует: «Выпрямляйся, барабанщик! – повторил мне тот же голос. – выпрямляйся, пока не поздно». <...> Я открыл глаза и потянулся к браунингу. И только что я до него дотронулся, как стало тихо-тихо.

¹⁴ Асафьев Б.В. М.И. Глинка. Л., 1978. С. 251.

¹⁵ Платонов А.П. Сочинения. Т. 4. Кн. 2. Рассказы. Пьесы. Сценарии. Статьи. М., 2020. С. 18.

Воздух замер. И раздался звук, ясный, ровный, как будто бы кто задел большую певучую струну и она, обрадованная, давно никем не тронутая, задрожала, зазвенела, поражая весь мир удивительной чистотой своего тона. Звук все нарастал и креп, а вместе с ним вырастал и креп я.

“Выпрямляйся, барабанщик! – уже тепло и ласково подсказал мне все тот же голос. – Встань и не гнись! Пришла пора!”

И я сжал браунинг. Встал и выпрямился» [2, т. 2, с. 308].

Писатель М.Ю. Елизаров определил это состояние героя так: «Перед самым подвигом юный герой повести “Судьба барабанщика” переживает чудесную слуховую галлюцинацию» [4]. Но, думается, в этом музыкальном звучании сошлось многое: отозвались и солдатские песни отца (вспомним признание героя: они «до сих пор жгут мне сердце»), и голос сигналиста-барабанщика, который уже окреп в нем, и да: новая мелодия какой-то торжественной, просветляющей музыки, снявшей все колебания и сомнения. Еще раз процитируем М.Ю. Елизарова, точно указавшего на эту важную в судьбе Сергея ситуацию принятия нужного решения: «Гайдар лучше многих понимал, что именно трусость, в ядре которой заложен изначальный людской страх перед смертью, трусость как душевный недуг способна навсегда извратить личность. Выродить человека до существа. Трус в понимании Гайдара – опасный калека. <...> Можно перевоспитать вора, усюветить душегуба, но не вылечить сердца, пораженного спорами страха. Вот он – горький писательский вывод. Не случайно многие гайдаровские герои проходят

через инициацию выбора. <...> Судьба барабанщика из одноименной повести – встать из спасительной травы под шпионские пули. У каждого “своя дорога, свой позор и своя слава”. Но они входили в реку, поднимались под пули – его герои. И тогда страх терял над ними власть» [4].

Подросток стреляет в своих врагов, но, падая от их ответной пули, он слышит все тот же «чистый и ясный» звук – звук победы над врагом, над своими ошибками, промахами, страхами, и этот торжествующий звук теперь уже ничто не может в нем заглушить. Перед нами предстает не наивный и доверчивый мальчишка, которого легко облапошить, а настоящий воин, боец, вставший на защиту своей страны.

Музыкальна тема оказалась важной для Гайдара и в описании состояния героя после его ранения. В ней сошлись, смешались и предметные звуки, и природные голоса, голоса людей, и звучание музыкальных инструментов. Так писателю удалось передать то поистине сложное чувство физических и моральных ощущений Сережи, в которые он был ввергнут: смутные отголоски случившегося, бред раненого, с его шумами, криками, видениями того, о чем тосковал. Важным при этом оказался сам характер стилевой организации этого фрагмента текста. Он построен по принципам «Сказки о Мальчише-Кибальчише», которую нередко сравнивают с песней: здесь тоже налицо поэтическая речь: у нее четкий ритм, создающийся преобладанием такой стилистической фигуры, как анафора, используется звукопись, вводятся тропы: «Гром пошел по небу, а тучи, как птицы, с криком

неслись против ветра. И в сорок рядов встали солдаты, защищая тело барабанщика, который пошатнулся и упал на землю. Гром пошел по небу, и тучи, как птицы, с криком неслись против ветра. А могучий ветер, тот, что всегда гнул деревья и гнал волны, не мог прорваться через окно и освежить голову и горло метавшегося в бреду человека» [2, т. 2, с. 309]. Герой не случайно назван здесь барабанщиком, ибо он наконец-то обрел себя прежнего, того, о котором он так часто вспоминал во всех перипетиях своей нелегкой судьбы: «смелый, хороший мальчик, который крепко любил свою родину...» [Там же, с. 248]. Гайдар возвращает Сергею его заслуженно доблестное звание, звание, которым, как мы уже отметили, он дорожил и сам.

В повести, как и вообще в книгах Аркадия Гайдара, музыкально-песенные образы, мотивы не только ярко раскрывают психологические переживания героя, подсказывают ему выбор пути-дороги, но и читателя поднимают на новую высоту чувств, формируя его ценности, позволяющие тоже вырастать и крепнуть в своих устремлениях. И он вольно или невольно соизмеряет поступки героев гайдаровских книг со своим собственным поведением, делает выбор, участь чистоте отношений и верности главным жизненным ценностям.

В последний раз писатель вводит музыкальную тему в финальной части повести, после радостной встречи героя с отцом. Сын вновь вспоминает песню надежды – «Жаворонка» М.И. Глинки, пытаясь убедить отца в том, что все же она «не солдатская», а «просто человеческая»

[Там же, с. 316]. Его возражение: «Ну и что же, человеческая. А солдат не человек, что ли?» – находит у Сергея понимание: «Он упрям. Я знаю, что нет для него ничего святой знамен Красной Армии, и поэтому все, что ни есть на свете хорошего, это у него – солдатское. А может быть, он прав!» [Там же]. Но вместе с тем и отцовская позиция, и пройденные им самим испытания порождают мечту о новых песнях, которые утвердятся в жизни: «Пройдут годы. Не будет у нас уже ни рабочих, ни крестьян. Все и во всем будут равны. Но Красная Армия останется еще надолго. И только когда сметут волны революции все границы, а вместе с ними погибнет последний провокатор, последний шпион и враг счастливого народа, тогда и все песни будут ничьи, а просто и звонко – человеческие» [Там же].

Читатель хорошо понимает, что в этих словах, хотя и отданы они барабанщику Сереже Щербачову, слышится в первую очередь голос А.П. Гайдара. Да, таких песен хотелось самому писателю – человеку, прошедшему и через революционные события, и через сражения Гражданской войны, познавшему цену жизни в кровавых схватках с противником. О мире думал он и о мирных песнях – добрых, основанных на любви к людям, на стремлении к красоте человеческих отношений и чувств. Мечтал о счастливой жизни, построенной на доверии друг к другу: «Счастье! Вот оно, большое человеческое счастье, когда ничего не нужно объяснять, говорить, оправдываться и когда люди уже сами все знают и все понимают» [Там же, с. 315]. Этим светлым и радостным чувством

окрашены, согреты и финальные строки «Судьбы барабанщика»: «И те люди, что их встречали, увидели и поняли, что два человека эти – отец и сын – крепко и нерушимо дружны теперь навеки. На усталые лица их легла печать спокойного мужества» [2, т. 2, с. 317].

Однако, дитя эпохи и верный сын своего Отечества, Гайдар, как никто, не только понимал, но и чувствовал неизбежность новых испытаний и новых сражений за Советскую Родину. Еще в 1939 г. он писал в стихотворении «Кавалерийская походная», по названию явно – песне: «Странный шум нам слышен, / С вражьей стороны, / Что-то ветер дышит / Запахом войны» [Там же, т. 3. с. 352]. В августе 1941 г. писатель обратился к своим читателям с призывом: «Ребята! <...> Злобный враг напал на нашу страну. На тысячеверстном фронте героически сражается горячо любимая Красная Армия. <...> Родина о вас позаботилась, она вас учила, воспитывала, ласкала и часто даже баловала. Пришел час доказать и вам, как вы ее бережете и любите» [Там же, т. 2, с. 500–501].

Песня, музыка, ее реалии – неотъемлемая особенность прозы А. Гайдара. Они пришли из жизни и вернулись в нее вместе с книгами писателя. В самой песенной эпохе 1930-х гг. прямо утверждалась строками из известного «Марша веселых ребят» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского) важная для писателя мысль: «Нам песня строить и жить помогает». Автор «Судьбы барабанщика» образно показал это в своих книгах. По его убеждению, пение, хорошая, глубокая песня обогащают душу, эмоционально развивают ее,

приходят на выручку в жизненных невзгодах, оказывают психологическую поддержку, формируют человеческую Личность, объединяют поколения, не дают порваться связи времен. Размышлению об этом Гайдар посвятил статью «Воспитание мужества» (1941), опубликованную накануне Великой Отечественной войны. Он говорил в ней об ответственности старших перед детьми, о необходимости надлежащего воспитания тех мальчиков и девочек, которым предстоит встать на защиту Отечества. Само название статьи уже обращало внимание на одну из главных ее идей. Дети, о которых пишет Гайдар, получали «военное воспитание» через песню, ее звучание. Современный поэт Сергей Белозеров о такой форме воздействия на гражданское сознание человека сказал афористически точно: «...и весело держись за гуж / уроков музыки и мужества, – / они рифмуются к тому ж»¹⁶.

Конечно, Гайдар не сводил воспитательный процесс только к роли песни и только к военному обучению. Немалое значение для него в формировании у детей «определенных понятий», достойного поведения имела и книга: «...писатель, – утверждал он, – должен объяснить ребятам некоторые слова: “честь”, “знамя”, “смелость”, “правда”. <...> нужно вперед смотреть дальше и зорче» [Там же, с. 494]. А для этого в работе с детьми, был убежден А.П. Гайдар, все важно: песня, музыка, слово, действие, что он и показал в своих произведениях.

¹⁶ «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..». Классики и современники о русском языке. Антология / сост. Г.Н. Красников. М., 2013. С. 434.

Библиографический список

1. *Гайдар Т.* Голиков Аркадий из Арзамаса: Документы, воспоминания, размышления. М., 1988.
2. *Гайдар А.П.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1979–1982.
3. *Гольденштейн М.Л.* Аркадий Гайдар и музыка. М., 1977.
4. *Елизаров М.Ю.* На страже детской души: Аркадий Петрович Гайдар. URL: <https://vk.com/wall-69956821243727?ysclid=ls37aqsmjj556659265> (дата обращения: 25.01.2024).
5. *Минералова И.Г.* Детская литература: учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2016.
6. *Мышьякова Н.М.* Литература и музыка в русской культуре XIX века: автореф. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2003.
7. *Смирнова В.* Аркадий Гайдар. Очерк жизни и творчества. М., 1972.

References

1. Gaidar T. Golikov Arkadij iz Arzamasa: Dokumenty, vospominaniya, razmyshleniya [Golikov Arkady from Arzamas: Documents, memories, reflections]. Moscow, 1988.
2. Gaidar A.P. Sobranie sochineniy: v 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Moscow, 1979–1982.
3. Goldenshteyn M.L. Arkadij Gajdar i muzyka [Arkady Gaidar and music]. Moscow, 1977.
4. Yelizarov M.Yu. Na strazhe detskoj dushi: Arkadiy Petrovich Gaidar [Guarding the child's soul: Arkady Petrovich Gaidar]. URL: <https://vk.com/wall-69956821243727?ysclid=ls37aqsmjj556659265>
5. Mineralova I.G. Detskaya literatura [Children's literature]. Textbook. Moscow, 2016.
6. Myshyakova N.M. Literatura i muzyka v russkoj kulture XIX veka [Literature and music in Russian culture of the XIX century]. PhD Dis. St. Petersburg, 2003.
7. Smirnova V. Arkadij Gajdar. Oчерk zhizni i tvorchestva [Arkady Gaidar. Essay on life and art]. Moscow, 1972.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024, принята к публикации 30.04.2024

The article was received on 25.03.2024, accepted for publication 30.04.2024

Сведения об авторе / About the author

Дворяшина Нина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; chief research Fellow at the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dvoryashin@bk.ru